

Анатолий Колосов

Лёд, доски и
тишина

Анатолий Колосов

Лёд, доски и тишина

«Автор»

2026

Колосов А.

Лёд, доски и тишина / А. Колосов — «Автор», 2026

Холод не любит героев. Он любит тех, кто делает своё дело, даже когда руки не гнутся, а слова замерзают на губах. «Лёд, доски и тишина» — это не история о великих победах, а честный рассказ о выживании, где главным врагом становится не шторм и не медведь, а сырость, капля воды, гнилое дерево и тишина, которая давит сильнее любой бури. Через голос простого плотника Херрита де Фейра ты увидишь экспедицию Виллема Баренца без пафоса и штампов: как из досок корабля собирали «Спасённый дом», как считали время по дровам, как боролись с угаром и цинге, как делили последний сухарь на крошки. Это документально-художественная проза, в которой каждая деталь — реальный факт, а напряжение рождается из быта: из щели в стене, из сбившегося компаса, из странного света на горизонте — того самого «эффекта Новой Земли», который моряки принимали за знамение. Если ты любишь историю, где сила — в упорстве, а подвиг — в том, чтобы не сдаться, когда сил уже нет, эта книга для тебя.

© Колосов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Паруса и обещания	5
Глава 2. Шторм и первая течь	6
Глава 3. Туман и потеря курса	8
Глава 4. Корабль зажат, начинается зимовка	10
Глава 5. Цинга и нехватка витаминов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатолий Колосов

Лёд, доски и тишина

Глава 1. Паруса и обещания

Амстердам, 1596 год.

Якоб ван дер Меер стоял на причале, сжимая в руках потрёпанный мешок с инструментами. В нём — стамески, топор, пила и маленький деревянный медвежонок, вырезанный отцом. «Держи дерево крепко, а слово — крепче», — шептал ему отец перед отъездом. Якоб тогда только кивнул, не зная, что эти слова станут его молитвой.

Вокруг кипел порт: грузчики кричали, канаты свистели, как змеи, а над всем этим висел запах смолы, рыбы и соли — запах свободы. Якоб впервые чувствовал, что город отпускает его. Он ехал не за золотом, а за шансом доказать, что плотник — это не просто человек с топором, а тот, кто держит корабль на плаву.

— Эй, новичок! — рявкнул боцман, заметив Якоба. — Ты тот самый плотник? Смотри, тут не амбар чинить. Если доска треснет — море не спросит, умеешь ли ты молиться.

Якоб сглотнул, но кивнул. Боцман хмыкнул и повёл его к кораблю «Меркурий». Судно было крепким, но уже знавшим штормы: доски потемнели от соли, мачты скрипели, как старые кости.

На палубе стоял капитан Виллем Баренц — высокий, с лицом, будто высеченным из камня, и взглядом, который видел дальше горизонта.

— Плотник? — спросил он, не глядя, проверяя компас. — Хорошо. Нам нужны руки, которые не дрожат. И голова, которая думает быстрее волн.

Якоб хотел сказать что-то умное, но вместо этого просто протянул руку с топором.

— Моё слово — в дереве, — тихо произнёс он.

Баренц наконец поднял глаза, чуть улыбнулся краешком губ и кивнул:

— Тогда держись ближе к палубе. Север не любит пустых слов.

Через час «Меркурий» отошёл от причала. Якоб стоял у борта, пока Амстердам таял в дымке. Ветер хлестал по лицу, а в груди росло странное чувство — не страх, а предвкушение. Он знал: впереди не просто плавание. Впереди — испытание, где каждая доска будет на счету, а тишина станет громче крика.

Первый шторм пришёл на третий день.

Небо почернело за считанные минуты, будто кто-то опрокинул чернила на карту мира. Волны били по борту, как кулаки великана. Якоб держался за леер, чувствуя, как палуба ходит ходуном.

— Держи переборку! — кричал боцман сквозь рёв ветра. — Если трюм пойдёт ко дну — мы все последуем за ним!

Якоб бросился к переборке. Вода уже сочилась сквозь щели, холодные пальцы моря искали путь внутрь. Он работал быстро, почти не думая: вбивал клинья, стягивал доски, шептал про себя: «Держись, родная, держись...»

Когда шторм стих, оставив после себя разбитые снасти и мокрые, дрожащие тела, Баренц подошёл к Якобу. На его лице не было похвалы, но в глазах читалось уважение.

— Ты удержал корабль, — просто сказал он. — А значит, у нас есть шанс дойти до края земли.

Якоб вытер лицо рукавом и посмотрел на север. Там, за горизонтом, ждали льды. И тишина, которую он ещё не умел слышать.

Глава 2. Шторм и первая течь

Море будто решило проверить «Меркурий» на прочность. Ещё утром небо было чистым, лишь редкие перистые облака тянулись над горизонтом, как тонкие нити. Якоб стоял у борта, вдыхая солёный воздух, и думал, что Арктика может быть не только ледяной и злой — она бывает тихой, почти ласковой. Но к полудню ветер сменил направление. Он больше не играл с парусами, а толкал их, будто торопил к беде.

— Чувствуешь? — к Якобу подошёл старый матрос Клаас, потирая плечо, которое ныло перед непогодой. — Воздух стал тяжёлым. Как перед ударом кулака.

Якоб кивнул. Он и сам чувствовал: палуба будто стала жёстче, доски отзывались не привычным тёплым стуком, а глухим, насторожённым звуком.

Через час небо почернело. Волны перестали быть просто волнами — они стали стенами, которые надвигались на корабль, грозясь раздавить его. Рёв ветра заглушал даже крики боцмана. Якоб едва успел схватить верёвку, чтобы не улететь за борт, как первая волна ударила в нос судна, обдав всех ледяной водой.

— В трюм! — прокричал боцман, указывая вниз. — Там течь! Если не заткнём — пойдём ко дну раньше, чем шторм до нас доберётся!

Якоб не раздумывал. Он схватил свой мешок с инструментами — стамески, топор, клинья, паклю и банку смолы — и бросился вниз по трапу. Ступени дрожали под ногами, будто корабль стонал.

В трюме было темно и сыро. Слабый свет фонаря выхватывал из темноты мокрые доски и лужи, которые с каждой минутой становились всё больше. Вода сочилась сквозь щель в обшивке — тонкая, настойчивая струйка, которая обещала стать потоком. Рядом метался молодой матрос, пытаясь заткнуть дыру тряпкой. Тряпка не помогала: вода просто проталкивала её наружу.

— Не так! — крикнул Якоб, перекрывая грохот волн. — Тряпка — это временная слабость. Нам нужен клин! И пакля! И смола!

Он действовал быстро, но без суеты. Сначала намотал паклю на дубовый клин — так, чтобы волокна легли ровно, не сбиваясь в комки. Потом обмакнул его в смолу: липкая, тягучая, она пахла лесом и кораблями, и в этот миг Якобу показалось, что он снова в мастерской отца. «Смола — это память дерева, — говорил отец. — Она помнит, где росла, и знает, как держать воду».

— Держи фонарь! — бросил он матросу. — И не трясись. Дерево не любит страха. Оно чувствует, когда руки дрожат.

Матрос кивнул, сжимая фонарь так, что побелели костяшки пальцев. Якоб примерился и одним точным ударом вогнал клин в щель. Дерево скрипнуло, но поддалось. Струйка воды замедлилась, потом превратилась в капли, а потом и вовсе исчезла.

Но это была только первая брешь. Следующая оказалась выше и шире — вода хлестала уже не струйкой, а настоящим ручьём. Якоб выругался про себя: такой клин не удержит. Нужна накладка.

Он бросился к штабелю запасных досок, выбрал самую толстую и сухую — не новую, а выдержанную, ту, что уже повидала соль и ветер. Вырезал кусок чуть больше дыры, чтобы края перекрывали неповреждённое дерево. Потом взял железные скобы и молоток.

— Это будет пластырь, — пробормотал он, скорее себе, чем матросу. — Пластырь для раненого корабля.

Скобы входили в дерево с глухим стуком, каждый удар отдавался в плечах. Якоб чувствовал, как палуба ходит ходуном, как волны бьют по борту, словно хотят сорвать доски одну

за другой. Но он не останавливался. Когда накладка встала на место, он промазал стыки смолой, вдавливая её в щели, чтобы ни одна капля воды не нашла лазейку.

— Теперь держим, — выдохнул он, вытирая лицо рукавом. — Если только море не решит, что мы слишком легко отделались.

И море решило. Следующая волна ударила так, что Якоба отбросило к переборке. Бочка с солониной покатилась, грохоча и подпрыгивая. Матрос закричал, но крик потонул в рёве шторма. Якоб поднялся, шатаясь, и снова бросился к пробоине. Накладка держалась, но стыки начали расходиться. Он понял: нужно стянуть её верёвками, создать дополнительное давление.

Он схватил моток пеньковой верёвки, обмотал накладку крест-накрест, затянул узлы так, что пальцы побелели. Каждый узел был как обещание: «Мы не утонем. Не сегодня».

Когда шторм наконец начал стихать, оставив после себя разбитые снасти, мокрые палубы и дрожащие тела, Якоб стоял в трюме, глядя на свою работу. Накладка держалась. Вода больше не сочилась. Корабль дышал тяжело, но дышал.

К нему спустился капитан Баренц. Его лицо было мокрым от брызг, волосы прилипли ко лбу, но взгляд оставался спокойным — таким, каким бывает взгляд человека, который видел много штормов и знает: этот они пережили.

— Ты знал, что делать, — сказал Баренц, не спрашивая, а констатируя факт. — Не гадал, не метался. Знал.

Якоб хотел сказать что-то вроде «мне просто повезло» или «я делал, как отец учил», но вместо этого просто кивнул.

— Дерево помнит, — тихо произнёс он. — А я помню, как с ним разговаривать.

Баренц чуть улыбнулся — той самой улыбкой, которая у него появлялась редко, но значила многое.

— Тогда пусть оно и дальше говорит за нас, — сказал он. — Потому что впереди льды. И там слова будут стоить дороже золота.

Глава 3. Туман и потеря курса

Туман пришёл не как облако — он пришёл как тишина, которая вдруг стала слишком густой. Он накатывал с севера, будто кто-то вылил на море молоко, и оно медленно, неотвратимо поднималось, скрывая горизонт, мачты, даже собственные руки. Сначала пропали дальние волны, потом ближние, а следом исчезла и линия воды — будто «Меркурий» плыл не по морю, а по белому небу, которое опустилось к самой палубе.

Якоб стоял у борта, вглядываясь в эту белизну, и чувствовал, как внутри растёт странное напряжение — не от ветра, не от холода, а от того, что мир вдруг стал слепым.

— Слышишь? — тихо спросил Клаас, подходя к нему. — Море молчит. Даже волны не бьют. Это плохой знак.

И правда: шум прибора, привычный, как дыхание, исчез. Остался только скрип дерева, да и тот звучал глухо, будто доски тоже боялись говорить слишком громко.

На палубе царила нервная суеда. Матросы ходили осторожно, будто боялись налететь на невидимую стену. Боцман выкрикивал приказы, но голос его тонул в ватной тишине тумана. А в центре всего этого, у компаса, стоял капитан Баренц. Его лицо было напряжённым — таким Якоб видел его только во время шторма.

— Компас пляшет, — пробормотал Баренц, наклоняясь к прибору. — Стрелка крутится, как загнанная мышь. Магнитная аномалия. Мы не знаем, где север.

Боцман выругался сквозь зубы.

— Если не поймём, куда идём, сядем на мель. Или врежемся в льдину, которую не увидим, пока она не ударит в борт.

Баренц поднял голову и обвёл взглядом палубу. Его взгляд остановился на Якобе.

— Плотник! — позвал он. — Дерево не врёт. Придумай, как нам не потерять друг друга в этой белой пустоте.

Якоб на мгновение замер. От него ждали не просто совета — от него ждали решения, которое удержит корабль вслепую. Он огляделся. Вокруг были доски, канаты, гвозди, старые бочки — обычный корабельный хлам. Но сейчас это был его арсенал.

— Нужно слышать корабль, — сказал Якоб, сам удивляясь, как уверенно звучит его голос. — Если мы не видим, мы должны слышать.

Он бросился к складу досок, выбрал несколько тонких, сухих планок — они лучше всего резонировали. Потом взял моток пеньковой верёвки и острый нож.

— Что ты делаешь? — спросил Клаас, глядя, как Якоб вырезает на досках насечки и прилаживает к ним деревянные язычки.

— Делаю голос для тишины, — ответил Якоб. — Эти доски будут висеть на леерах. Когда ветер заденет их, они будут стучать. По звуку мы поймём, где борт, где корма, где нос. А если кто-то отойдёт слишком далеко — услышим, что звук стал глухим.

Клаас хмыкнул, но в глазах мелькнуло уважение.

— Ты говоришь с деревом, как с другом.

— Так и есть, — кивнул Якоб. — Отец говорил: «Дерево помнит дорогу домой. Надо только уметь его слушать».

За час Якоб и несколько матросов развесили доски по всему периметру палубы — на носу, на корме, вдоль бортов. К каждой доске он привязал тонкую верёвочку с узелком, чтобы ветер мог её раскачивать. И когда туман снова шевельнулся, доски заговорили — негромко, ритмично, будто корабль дышал.

Тук-тук... тук-тук...

Этот звук был странным, но родным. Он не давал забыть, где ты стоишь.

Но проблема была не только в том, чтобы не потерять корабль. Проблема была в том, что они потеряли курс. Без компаса и без горизонта они плыли наугад.

Якоб поднялся на палубу и подошёл к Баренцу. Капитан смотрел в белую мглу, будто пытался силой воли прожечь в ней дыру.

— Есть ещё одна идея, — тихо сказал Якоб. — Мы можем сделать сигнальные доски — разные по звуку. Одну — для носа, другую — для кормы, третью — для левого борта. Если ветер дует с севера, мы услышим, как они звучат по-разному. Дерево отзывается на ветер. Если прислушаться, можно понять направление.

Баренц прищурился.

— Ты хочешь ориентироваться по звуку дерева?

— Да, — твёрдо ответил Якоб. — Это не наука навигаторов, но это наука плотника. Дерево чувствует ветер раньше, чем человек. Оно дрожит, скрипит, поёт. Надо только знать, как слушать.

Баренц помолчал, потом кивнул.

— Делай. Пусть дерево говорит за нас.

Следующие полчаса Якоб работал быстро и точно. Он вырезал три доски разной толщины: одну тонкую и звонкую — для носа, одну среднюю — для кормы, одну толстую и глухую — для левого борта. Потом повесил их на разных концах палубы и стал ждать.

Ветер пришёл неожиданно — не как порыв, а как медленный толчок, который прокатился по палубе и заставил доски заговорить.

Тонкая доска на носу зазвенела, как струна. Средняя отозвалась ровным, спокойным стуком. Толстая на левом борту глухо постукивала, будто отбивала ритм сердца.

Якоб закрыл глаза и прислушался.

— Ветер дует с северо-запада, — уверенно сказал он. — Тонкая доска звенит сильнее — значит, ветер бьёт в нос. Средняя звучит ровно — корма в стороне. Толстая почти молчит — левый борт прикрыт.

Баренц посмотрел на него с новым интересом.

— Ты слышишь то, что другие не слышат.

— Я просто знаю, как дерево отвечает на ветер, — пожал плечами Якоб. — Это как разговаривать с другом, который не умеет говорить словами.

С этого момента «Меркурий» пошёл медленнее, осторожнее. Якоб стоял на палубе, слушая, как доски шепчут, стучат и поют, и переводил этот язык Баренцу. Матросы тоже прислушивались — теперь они не боялись тумана. Они знали: пока дерево говорит, корабль жив.

К вечеру туман начал рассеиваться. Сначала появилась тонкая серая кромка на горизонте, потом проступили очертания мачт, а затем и само море вернулось — серое, холодное, но знакомое.

Когда солнце наконец пробилось сквозь дымку, Баренц подошёл к Якобу.

— Мы не сели на мель, не врезались в льдину и не потеряли друг друга, — сказал он. — И всё потому, что ты научил нас слышать корабль.

Якоб улыбнулся — впервые за эти дни.

— Дерево не любит пустоты, — сказал он. — Оно всегда найдёт, чем её заполнить. Даже если это просто стук.

Глава 4. Корабль зажат, начинается зимовка

Лёд пришёл без фанфар — он просто перестал отступать. Сначала это были отдельные льдины, похожие на серые обломки каменных плит. Потом они стали собираться в поля, а поля — смыкаться, как зубы гигантской ловушки. «Меркурий» ещё пытался вырваться: капитан Баренц гнал его вперёд, надеясь проскочить в узкую щель между ледяными языками. Но Арктика не любила спешки.

— Ещё один рывок! — крикнул Баренц, стоя у штурвала, хотя штурвал уже почти не имел власти над судном. — Ещё немного — и мы выйдем на чистую воду!

Но чистая вода больше не существовала. Лёд сомкнулся с глухим, тяжёлым звуком, похожим на вздох старого дома, когда в него забивают последний гвоздь. Корабль вздрогнул, будто живое существо, почувствовавшее, как сжимаются тиски. Палуба под ногами Якоба пошла волной — не от волн, а от давления льда. Дерево застонало, и этот стон был страшнее любого шторма: он говорил о силе, которую нельзя победить силой.

— Он нас держит, — тихо произнёс Клаас, глядя на ледяные стены, выросшие по бортам. — И не отпустит.

Баренц долго стоял, вглядываясь в лёд, словно надеялся найти в нём слабое место. Потом медленно снял перчатки и положил их на штурвал.

— Мы не пройдем, — сказал он, и в его голосе не было отчаяния — только холодная ясность. — Лёд сильнее парусов. Мы готовимся к зимовке.

На палубе повисла тишина. Не та звенящая тишина тумана, а тяжёлая, горькая — тишина людей, которые поняли, что их планы разбились о лёд раньше, чем корабль.

Якоб смотрел на борта, слушал, как лёд шепчет, скребётся, давит. Он знал: если лёд будет сжимать корабль всю зиму, дерево не выдержит. Рано или поздно доски лопнут, как сухие ветки.

— Надо разобрать часть палубы, — сказал Якоб, подходя к Баренцу. — Снять доски, пока лёд не раздавил их. Из них мы построим дом на берегу.

Боцман фыркнул:

— Дом? Из корабельных досок? Да мы лучше в трюме пересидим!

— В трюме мы задохнёмся, — спокойно ответил Якоб. — Или замёрзнем. Лёд вытягивает тепло, как губка. Нам нужно место, где можно развести огонь, где будет воздух. И доски — это всё, что у нас есть.

Баренц посмотрел на него долго, будто взвешивая не слова, а саму суть Якоба. Потом кивнул.

— Делай. Но быстро. Пока лёд не решил, что пора ломать.

Работа началась сразу, без лишних слов. Якоб собрал вокруг себя пятерых матросов — тех, кто не дрожал от страха, а хотел что-то делать. Он не раздавал приказы — он показывал.

— Сначала прогреваем стыки, — говорил он, держа над жаровней железный прут. — Мороз делает дерево хрупким. Если бить молотком по стыку, доска треснет. А нам нужны целые доски. Прогрели — и только потом выбиваем клинья. Аккуратно, не спеша.

Матросы смотрели, как Якоб водит горячим железом вдоль пазов, как дерево темнеет от тепла, как смола начинает мягко плавиться.

— Видишь? — Якоб кивнул одному из матросов. — Дерево говорит: «Я готово». Теперь клин выйдет, как нож из масла.

И правда: когда Якоб ударил молотком, клин не вылетел с треском, а мягко выскользнул. Доска осталась целой.

— Доски, снятые с любовью, служат дольше в новом доме, — пробормотал Якоб, вспоминая собственные слова из прошлого. Теперь они звучали не как красивая фраза, а как правило выживания.

Час за часом они снимали доски с палубы и переборок. Якоб сортировал их тут же: толстые — для стен, тонкие — для крыши, самые широкие — для пола. Он учил матросов смотреть на дерево: искать трещины, проверять, не пошла ли гниль, слушать, как звучит доска, если по ней постучать.

— Глухой звук — значит, внутри пустоты, — объяснял он. — Такая доска не выдержит мороза. Звонкий — крепкая. Её берём.

К полудню лёд снова напомнил о себе. Раздался громкий треск, корабль качнуло, и часть палубы, которую ещё не успели разобрать, пошла трещиной. Якоб бросился туда, но было поздно: доска лопнула, как сухая кость.

— Вот оно, — тихо сказал Клаас. — Он нас ломает.

Якоб сжал кулаки, но не от страха — от злости на собственную медлительность.

— Значит, работаем быстрее, — бросил он. — И умнее.

Он велел снять доски не целиком, а частями, чтобы не оставлять корабль без защиты дольше, чем нужно. Показал, как делать временные щиты из оставшихся переборок, чтобы хоть немного сдержать холод.

— Лёд не должен чувствовать, где мы слабы, — говорил он. — Пусть думает, что мы крепкие.

К вечеру команда перебралась на берег. Якоб шёл последним, оглядываясь на «Меркурий», который теперь казался не кораблём, а пленником: лёд обнял его со всех сторон, и только мачты ещё гордо торчали вверх, будто напоминая, что судно не сдалось.

На берегу их ждал голый берег, ветер, который резал лицо, как лезвие, и груда досок — всё, что осталось от корабля.

— Здесь? — спросил один из матросов, оглядываясь. — Здесь мы должны жить?

Якоб кивнул.

— Здесь. И не просто жить — выживать.

Он разложил доски на снегу, как будто раскладывал карты. Потом взял топор и начал делать пазы — соединения, которые держат стены без гвоздей.

— Мы построим дом так, чтобы ветер не нашёл щелей, — сказал он. — Чтобы холод не пробрался внутрь. И чтобы, когда мы зажжём огонь, дым шёл вверх, а не сквозь стены.

Работа шла до темноты. Руки мерзли, пальцы не слушались, но Якоб не останавливался. Он показывал, как подгонять доски друг к другу, как делать «тёплые углы», как укладывать крышу, чтобы снег не задерживался.

Когда дом был готов — ещё не дом, а каркас, — команда вошла внутрь. Ветер сразу стал тише, будто стены его остановили. Якоб зажгёт факел и поднял его над головой. Свет выхватил из темноты неровные стыки, свежие срезы дерева, запах смолы и мороза.

— Это не дворец, — сказал Якоб. — Но это наш щит.

В этот момент в дом вошёл Баренц. Он огляделся, провёл рукой по доске, будто проверяя, настоящая ли она.

— Ты сделал невозможное, — тихо сказал он.

— Я просто слушал дерево, — ответил Якоб. — Оно знало, что делать.

Глава 5. Цинга и нехватка витаминов

Зима в Арктике не кричала — она шептала. И этот шёпот был страшнее любого шторма. Он звучал в шаркающих шагах матросов, в их неловких пальцах, которые не могли завязать простой узел, в тихих столах по ночам, когда холод будто забирался под кожу и высасывал силы.

Сначала Якоб не понимал, что происходит. Он видел, как матрос Ян уронил топор — просто выронил, будто рука вдруг забыла, как держать. Видел, как Клаас морщился, когда откусывал кусок вяленой рыбы, и шептал: «Дёсны горят, будто я жевал крапиву». А потом он зашёл в угол дома, где лежали самые слабые, и увидел то, от чего внутри всё сжалось: у молодого матроса Петера на предплечье расплылся синяк размером с ладонь, хотя парень клялся, что ни обо что не ударялся.

— Это не от холода, — тихо сказал Якоб, опускаясь рядом с Петером. — Это цинга.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и горькое, как дым от сырых дров. В Амстердаме о цинге знали все моряки: это болезнь долгих плаваний, когда в рационе нет ни зелени, ни фруктов, ни ничего, что пахнет землёй и солнцем. Но здесь, среди снега и льда, она казалась не просто болезнью — она была приговором.

Якоб вышел из угла и нашёл Баренца у очага. Капитан сидел, глядя на угли, и в его глазах читалась усталость, которую не смыть ни сном, ни горячим чаем.

— Нам нечем их лечить, — прямо сказал Якоб. — У нас нет ни лимона, ни капусты, ни даже хвои, чтобы заварить. У них гниют дёсны, слабеют мышцы, кровь не сворачивается от малейшего пореза. Если ничего не сделать, к весне половина команды не сможет держать вёсла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.